

Вот почему все, что характерно для времени войны, когда каждый является врагом каждого... нет места для трудолюбия... нет знания земной поверхности, исчисления времени, ремесла, литературы, нет общества, а, что хуже всего, есть вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти, и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна.

Томас Гоббс. «Левиафан»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СМОЖЕТЕ ЛИ ВЫ
ПОЙМАТЬ
ЛЕВИАФАНА
НА КРЮЧОК?

ПРОЛОГ

В деревушке Сент-Пиран все еще говорят про день, когда волны вынесли обнаженного человека на пляж Пиран-Сэндс. Это произошло в тот самый день, когда Кенни Кеннет увидел кита. Некоторые говорят, это была среда. Другие не сомневаются, что это случилось в четверг.

Это произошло в самом начале октября. Ну, или это был конец сентября, но миновало уже полвека с этих событий, со всей той суматохи, развернувшейся после, а никто так и не додумался все записать. Воспоминания — это все, что у нас есть, но они временами могут быть не совсем точными. В деревне есть жители, которые утверждают, будто помнят каждую деталь, словно это случилось на прошлой неделе. Они, должно быть, были совсем юными, когда это случилось, и все их истории являются частью паутины сказок, которые эхом доносятся из прошлого, тогдашнего мира, и все они рассказывают о нагом человеке и о ките.

Многих из тех, кто являлся участником данных событий, уже давно нет с нами. Старина Гарроу давно умер. Так же, как и доктор Мэллори Букс, Марта Фишберн, преподобный Элвин Хокинг, Джереми Мелон,

и многие из тех, кто помогал спасать кита. Но истории все еще живут в памяти, их рассказывают дети и внуки жителей деревни, соседи и друзья. Они рассказывают их на Фестивале кита, который каждое Рождество проводится в старой нормандской церкви. Если вы когда-нибудь забредете в Сент-Пиран (что может оказаться сложной задачей), вы услышите эту историю на улицах и в барах. А если вы остановите одного или двух местных жителей и спросите про кита, то они пригласят вас присесть на лавочку — с видом на зыбь океана, и, наверное, подробно расскажут вам историю о пляже, о ките и о голом человеке. Они, возможно, проведут вас вдоль древней стены гавани и каменистой тропинки вокруг мыса, где уже начинаются песок и галька, а потом, наверное, они покажут вам скалу — на которой стоял Кенни Кеннет, когда увидел кита, и, взобравшись на нее, вам укажут полоску песка, на которой был найден человек по имени Джо. Они, наверное, посмотрят на море и неприветливые скалы, подобно гигантской цепи сковавшие берег. И спросят: «Мог ли человек проплыть тут и не оказаться разорванным на куски?»

«Очень нетипичный способ попасть сюда», — скажет натуралист Джереми Мелон о прибытии Джо Хака в Сент-Пиран, когда сообщит вам адрес проведения ежегодного Фестиваля кита. «Представьте себе: голого Джо на пляж притащил кит! Другие люди спрашивают дорогу и стараются попасть к набережной в дневное время. Но только не Джо, нет. Джо хотел появиться эффектно. Поэтому и проник в город посреди ночи, потом уплыл далеко в море, а затем прискакал обратно на чертовом огромном ките». И каждый раз, когда Джереми Мелон рассказывает эту сказку, он широко раздвигает ноги, изображая ковбоя верхом на здоровенной лошади, а рукой начинает махать в воздухе

так, будто держит лассо. Вы представите Джо верхом на огромном создании, которое несет его между скалами — напрямик к берегу. Джереми, впрочем, знает, да как и все вокруг, что в этой истории мало правды, но в ней все же есть какие-то крохотные фрагменты истины, а частички истины — это, порой, все, что нам нужно для понимания действительности. История Джереми смешит людей — даже тех, кто лично был знаком с Джо Хаком. И это, в конце концов, было тем, что имеет значение. «Иногда преувеличение может быть ближе к истине, чем правда», — сказала бы писательница Демельза Треваррик. А Джереми Мелону показалось, что в Сент-Пиране о Джо Хаке предпочитают вспоминать именно так. Они не хотят помнить о серьезном Джо — компьютерном гике, который сидел за своими мониторами и высчитывал арифметику Армагеддона. Они не желают помнить холеного и избалованного городского мальчика, который носил шелковые галстуки, водил быстрые машины и в месяц зарабатывал больше их годовой зарплаты. Они не хотят Джо, которого никто из них не знал: опасного, беспокойного Джо, одержимого демонами Джо, одинокого Джо, который скрывался во тьме, сражаясь со своими личными страхами. Ничего такого нет в человеке, которого они вспоминают на Фестивале кита. Они чувствуют *героя*. Он был пророком. Он был спасителем мира. Если вы живете в деревне Сент-Пиран, тогда Сент-Пиран — это весь мир, по крайней мере, для вас. Итак, прошли годы, а настоящие воспоминания о человеке по имени Джо смешались с историями. На Фестивале кита дети будут слушать Джереми Мелона, всегда рассказывающего про молодого Джо Хака — голого, верхом на ките — и, наверное, когда умрут все, знавшие его лично, эта картинка — единственное, что останется.

1

ДЕНЬ, КОГДА КЕННИ КЕННЕТ УВИДЕЛ КИТА

Первой его увидела Чарити Клок. Ей тогда исполнилось семнадцать, ее личико было настолько юным, что щеки блестели, подобно цветочному меду. В Сент-Пиране говорили, что она «поздний цветок», но мягкое летнее солнце Корнуолла и теплый атлантический ветер быстро унесли прочь все заметные приметы юности. Сердитый взгляд, изгибы детского тела — девочка, которая со своей собакой оказалась на берегу этим октябрьским утром (или, возможно, сентябрьским?), на самом деле уже не была девочкой. «Деревья, которые поздно распускаются, часто цветут лучше остальных», — так говорила Марта Фишберн. А Марта была учительницей, так что она знала это совершенно точно.

Чарити Клок выгуливала собаку по полосе сухой гальки, которая простиралась между пляжем и скалами, чуть выше подстилки из намытых приливом морских водорослей. Несколько туристов, которые в погожий день нежились бы на песке, сейчас — тепло одетые — шли по вершине скал. Пляж был почти пуст. Услышав историю теперь, вы можете подумать, будто

тут собралась половина деревни. Именно столько людей утверждает, что они видели человека или помогали его нести. Если вы хорошо считаете и внимательно слушаете, то поймете, что в тот день на пляже было только пять человек, включая, конечно, саму Чарити Клок, ну или шесть — если считать вместе с голым мужчиной.

Среди них был бродяга Кенни Кеннет. Он шатался на восточной стороне залива в поисках мидий, крабов или выброшенного на берег мусора и коряг. Если найденные коряги были хорошего качества, он мог превратить их в произведения искусства и следующим летом продать туристам. Мидий и крабов он просто готовил и ел. А мусор — ну, смотря что ему удавалось отыскать.

Рыбак Старина Гарроу тоже был среди них, но, как говорят местные, Старина Гарроу всегда был там. Большую часть дня, в хорошую безветренную погоду он сидел на лавочке в своей вязаной шапке, натянутой на уши, курил трубку и глядел на волны, наслаждаясь их изгибами и солеными брызгами, слушал крики серебристых чаек, и, наверное, вспоминал о тех годах, когда этот океан был его домом

Там была молодая медсестра Амината Чикелу. Она работала в сельской больнице Треденджела в ночные смены, поэтому утро на пляже Пиран-Сэндс было, в некотором смысле, *вечером* ее дня. Если утро было ясным, Амината расслаблено гуляла по узкой тропинке, огибавшей берег. Так она снимала стресс после тяжелых ночных смен. «Что ты *делаешь* в больнице по ночам?» — спрашивали у нее люди. А она отвечала: «Я смотрю, как спят больные люди». Так она и делала во время своих смен, когда с тусклым фонариком и в мягких тапочках проверяла капельницы и таблет-

ки, пульс больных, пожилых и (часто) умирающих пациентов. Немногие из нас сталкиваются со смертью так близко, как с ней приходится сталкиваться медсестрам, а побережье Корнуолла, как сказала бы вам сама Амината, было именно тем местом, куда люди *приезжают* умирать. Конечно, есть места и похуже для того, чтобы провести там свои последние годы. Но только представьте себе: вы меняете свой городской дом на недогадой уединенный домик возле моря. И как-то ночью вы можете испустить свой последний вздох в стерильном чреве душного отделения больницы, где некому подержать вас за руку или проследить за вашим уходом в мир иной. Кто сделает это, если только не худенькая медсестра из Сенегала? И даже обладателям развитого воображения будет сложно себе представить прекрасное лицо, мягкий голос и теплые руки находившейся рядом с ними Аминаты Чикелу. Она от рождения была награждена прекрасным телосложением, которое говорило о смеси генов ее предков: немного от африканцев, немного от европейцев и кого-то еще, все это превосходно сочеталось с остальными ее особенностями, вроде темных сахарских глаз, прядей густых волос, худого кельтского носика и соблазнительной цыганской улыбки.

Последним в тот день на пляже появился Джереми Мелон — натуралист и писатель. Худошавая и странная фигура Джереми явилась в бухту, как сказал бы он сам, в поиске *вдохновения*. Иногда он ставил мольберт и марал холст акварелью, но это никогда не было его призванием. Его главным талантом были слова. Истории. Он часто бродил по заливу после сильных отливов, рассматривая созданий, которые оставались в маленьких бассейнах между камней, и придумывал о них истории. Как это любо-

пытно, размышлял он, что червь, рыба или ракушка оказались в такой лужице. После прилива их жизнь станет частью огромного разлившегося по планете океана. Можешь приходить и уходить куда захочешь. Можешь плыть по волнам, доплыть до пляжа в Порт-Невисе или добраться до Таити. А потом — буквально через мгновение — прилив покинет тебя, а море отступит — и вот теперь ты плещешься в крохотной лужице, будучи беззащитным перед такими силами, как солнце или Кенни Кеннет, который может закинуть тебя в свое ведро и обжарить.

Однажды Джереми Мелон напишет об этом историю.

Итак, одна собака и шесть человек, один из которых лежал голый, на спине, и выглядел, будто утопленник.

У Чарити Клок спрашивали: «Он красивый, ну знаешь, там... *внизу?*» — и многозначительно опускали глаза. Они, конечно же, имели в виду: «Внизу он такой же красивый, как и вверху?» «А я не скажу», — с кокетливой улыбкой отвечала Чарити Клок, поднимая брови и давая понять, что ей приятно обладать столь интимной информацией, которой она, к слову, никогда не собирается ни с кем поделиться.

По многочисленным признаниям очевидцев, выше пояса этот мужчина был красивый. Его тело казалось полупрозрачным из-за холодной морской воды, словно тайная карта под бледной кожей проступали синие вены, а волосы оказались разбросаны по лицу, словно стебли пшеницы после урагана. Жители деревни, обсудившие данную тему с Чарити Клок (потому что сплетни разлетаются мгновенно), уже знали, что в тот день голый мужчина, демонстрировал некий необычный для рядового утопленника феномен. Доктор Мэллори Букс, объясняя это Чарити,

использовал медицинский термин «эрекция полового члена». «Ледяная вода, — рассказал он молодой девушке, — при некоторых обстоятельствах может вызвать расширение кровяных сосудов». Расширение сосудов вполне может вызвать ту реакцию тела, которую и наблюдала Чарити Клок. Букс попросил ее не переживать, ведь это реакция была ненамеренной. «Такие вещи проходят очень быстро», — прокомментировал он. И действительно через несколько минут после того, как мужчину доставили в маленькое отделение клиники Букса на Фиш-стрит, эрекция действительно спала, лишив мисс Клок дальнейших поводов для стыда.

Если вы гостили в Сент-Пиране, то выслушав переплетающиеся рассказы Чарити Клок, Кенни Кеннета и Джереми Мелона, смогли бы собрать воедино кусочки истории, произошедшей тем осенним днем на пляже Пиран-Сэндс. К ним можно было бы добавить свидетельства изготовителя сетей Кейси Лимбера, доктора Букса и Старины Гарроу. Если бы вы все сделали верно, то, возможно, могли бы, с некоторой уверенностью, разгадать истинный ход событий в тот день, когда все началось.

Вы могли бы начать с бродяги Кенни Кеннета — с его пластиковыми пакетами, небольшими сетями и прочим жалким снаряжением — ковырявшегося между скалами на восточном конце залива. Он очень хорошо знал эти скалы. Если верить его словам, то после выпуска из школы, он десять или пятнадцать лет исследовал эту бухту вдоль и поперек в поисках выкинутых на берег сокровищ, так же, как и дюжину других мест на этом берегу. Его коротко стриженные волосы были заплетены в дреды, подобно выбеленным солью и ветром морским канатам, а с насту-

плением холодов он прятал непослушные лохмы под полотняной жандармской фуражкой. На нем были закатанные до колен подержанные джинсы из магазина для бедных, футболка с логотипом «Гиннесс» и бессмысленный хлопковый шарф. Он наклонился над камнями, выковыривая устриц плоским ножом, как вдруг, что-то заставило его выпрямиться, он стремительно преодолел около дюжины футов до вершины мыса и с этой командирской позиции уставился в море.

Что он искал? «Да так, ничего особенного», — сказал бы он. Просто. Надеюсь увидеть дрейфующий мусор или поплавки, которые можно было бы продать по цене кружки пива торговцу лобстерами или обменять на обрезки сетей у Кейси Лимбера.

Однако он увидел кита.

Сначала могло показаться, что это был дельфин. Или даже ларга. Оно плавно скользило, подобно тени двигаясь под волнами, как какой-то серо-зеленый древний затонувший корабль, который слегка покачиваясь, высасывает из воды солнечный свет. Кенни показалось, словно перед солнцем возникла рука, загородив собой свет и погрузив все в непроглядную тьму. А потом левиафан погрузился в пучину и исчез, оставив после себя лишь небольшие круги воды.

Возле мыса вода была темной. Кенни Кеннет знал об этом, но он никогда не видел дельфина так близко к берегу. Он уставился на море, пытаясь осознать — правда ли то, что он только что видел. «Это, скорее всего, дельфин», — подумал он. Или... наверное, кит? На месте исчезновения гигантской туши не осталось ничего, кроме зеркальной морской глади, словно вода была покрыта тонкой зеркальной пленкой. Бродяга посмотрел по сторонам, чтобы найти кого-то, кто мог бы

подтвердить его наблюдение. Всего в ста ярдах от него оказалась Чарити со своим пуделем.

— Эй! — замахал руками Кенни. — Привет.

Его крик привлек внимание не только Чарити Клок, но и Аминаты Чикелу, которая шла чуть дальше по берегу, а еще Джереми Мелона, исследовавшего каменные бассейны.

— Эй, — снова позвал Кенни. — Кажется, я видел кита!

— Что? — откликнулась Чарити.

Джереми и Амината были слишком далеко, чтобы присоединиться к этому диалогу.

— Кита. — Кенни поманил ее к себе.

Чарити Клок побежала по песку к вершине мыса, по пути ей предстояло преодолеть несколько каменных гребней.

— Быстрее! — Кенни снова увидел очертания медленно поднимавшегося из глубин существа.

— Я иду. — Чарити раскинула руки, чтобы балансировать на покрытом ракушками камне.

— Быстро.

Из глубин поднимался левиафан. Вместе с ним, казалось, начался прилив, с боков гигантской туши низвергался водопад из пены и пузырей. Теперь оно обрело четкую форму, словно шар с бороздами, оно изгибалось и пульсировало. «Может ли это быть подводная лодка?» — но эта мысль, на секунду поразившая Кенни, моментально угасла, так как над поверхностью появилась огромная серая китовая спина, а из дыхла вырвался мощный столб воды.

— Боже мой! — закричала Чарити Клок.

— Все в порядке, — отозвался бродяга, пристально глядевший на кита. — Он не причинит тебе вреда.

Но Чарити кричала не из-за кита.